

И. А. Семухина

**Эхо грозы 1812 г.
в «Отцах и детях» И. С. Тургенева**

Исследуются сверхтекстовые отсылки к событиям Отечественной войны и последующих десятилетий, формирующие образ героической эпохи, который становится важнейшей составляющей романного хронотопа. Обнаруженный отблеск идеалов героической эпохи прошлого позволяет расставить новые акценты в рассмотрении конфликта «Отцов и детей», отражающего кризисное состояние России 1860-х гг.

Ключевые слова: история литературы; И. С. Тургенев; роман; сверхтекст; война 1812 г.

Русская литература пореформенной эпохи 1860-х гг., когда все общественные силы аккумулировались в решении общенациональных вопросов, не случайно обращает свой взор к событиям Отечественной войны 1812 г. и последующих десятилетий. Эта война вошла в каждый дом, в том числе и в семьи писателей середины века. Так, в период противостояния русского народа армии Наполеона отец писателя Ф. М. Достоевского Михаил Андреевич Достоевский служил военным врачом, Николай Ильич Толстой (отец Л. Н. Толстого) стал подполковником гусарского полка, кирасир Сергей Николаевич Тургенев (отец И. С. Тургенева) был ранен в Бородинском сражении и за храбрость награжден Георгиевским крестом. Семейные воспоминания отражали вхождение эпохи 1812 г. в личную жизненную историю, составляющую историю всеобщую.

Споры о путях «грядущего общественного пересоздания», о взаимоотношениях «отцов и детей», интеллигенции и народа, России и Запада, рост чувства личного самосознания занимали все просвещенные умы пореформенного времени. Эти первостепенные вопросы приводят в русской литературе к всплеску исторических жанров, художники стремятся уловить исторические

закономерности развития общества (роман-эпопея Л. Н. Толстого, драматическая трилогия А. К. Толстого, исторические хроники А. Н. Островского и т. д.). Но все же на страницы произведений шестидесятых годов война 1812 г. входила чаще не в качестве непосредственного объекта изображения, а в виде ассоциативного фона, благодаря чему осмысление современной действительности выводило читателя к решению глобальных вопросов культурно-исторического развития России. Например, как известно, фигура Наполеона, ставшего кумиром миллионов, занимала одно из центральных мест в философских размышлениях Ф. М. Достоевского о свободе личности и границах этой свободы, что наиболее зримо воплотилось в великом пятикнижии писателя.

Внимание И. С. Тургенева к героической эпохе прошлого обнаруживается, например, в том, с какой сосредоточенностью он знакомится с выходящими в шестидесятые годы отдельными частями «Войны и мира». При всей неоднозначности отношения к толстовскому роману, в частности, не соглашаясь с художественно воплощенной философией истории и отрицая «психологическую возню» как мономанию писателя, Тургенев восхищенно признается в февральском письме 1868 г. к Борису: «Но со всем тем — в этом романе... такая жизненность, и правда, и свежесть — что нельзя не сознаться, что с появлением “Войны и мира” Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями. С нетерпением ожидаю четвертого тома»¹.

Ассоциативный фон «Отцов и детей» И. С. Тургенева включает в себя немало сигналов, втягивающих в романный хронотоп эпоху героического прошлого России начала века². Это позволяет увидеть не только столкновение настоящего и прошлого, но и общность устремлений «отцов и детей», расширить границы темы взаимоотношения поколений до парадигмы «дети — отцы — деды».

---

¹ Л. Н. Толстой в русской критике : сб. ст. / вступ. ст. и примеч. С. П. Бычкова. 2-е изд., доп. М., 1952. С. 594.

² Некоторые детали исторического прошлого в ряду прочих в произведении были замечены и И. В. Грачевой в статье: Роль художественной детали в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская словесность. 2002. № 1. С. 30–35.

Героическая эпоха вводится автором с первой страницы романа. Из предыстории мы узнаем, что отец братьев Кирсановых, «боевой генерал 1812 года... всю жизнь свою тянул лямку, командовал бригадой, потом дивизией»³. Петр Кирсанов, вероятно, не входил в число передовых представителей своего времени, но Василий Иванович Базаров, знавший его не понаслышке, признает: «очень почтенный был человек, настоящий военный» (с. 110). Примечательно, что этот «настоящий военный» был уволен «в отставку за неудачный смотр» в 1835 г. (как известно, Николай I больше заботился о внешней стороне военного дела: парады, маневры, муштра). После отставки Петр Кирсанов так и не смог «вжиться» в пустое светское существование николаевской России: «Он нанял было дом у Таврического сада и записался в английский клуб, но внезапно умер от удара». Вскоре «за ним последовала» и жена, Агафокля Кузьминична, принадлежавшая к числу «матушек-командирш»: «она не могла привыкнуть к глухой столичной жизни; тоска отставного существования ее загрызла» (с. 8).

Память о боевом прошлом Петра сохранилась и в приметах быта кирсановской усадьбы: в комнатке Фенечки находим «студла с задками в виде лир», которые «были куплены ... покойником генералом в Польше во время похода». Еще более энергично эпоха вливается в роман благодаря фотографиям на стене: рядом с явно «неудавшимися» снимками Николая Петровича и Фенечки автор обращает внимание на другое изображение: «Ермолов в бурке» «грозно хмурился на отдаленные Кавказские горы» (с. 37). Появление портрета Ермолова в кирсановском доме не случайно. Очевидно, генерал Кирсанов служил под началом этого прославленного военачальника в южной армии. Доказательство тому и тот факт, что оба сына Петра Кирсанова — Павел и Николай — родились «на юге России» (с. 7).

Многочисленные подробности прошлого «отцов» открываются и из рассказов отставного штаб-лекаря Базарова. Боевое

---

³ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 7. М., 1981. С. 7. Далее это издание цитируется с указанием по тексту страниц в скобках.

прошлое навсегда отпечталось в облике Василия Ивановича: он одет «в старый военный сюртук нараспашку», «стоял, растопырив ноги, курил длинную трубку», при знакомстве с Аркадием по военной привычке «шаркнул слегка ногой» (с. 105); во время застолья хозяин может «разом, по-военному» опрокинуть бокал за здоровье «неоцененных посетителей» (с. 112); приветствует Аркадия («Здравия желаем!») и прощается, «прикладывая по-военному руку к засаленной ермолке» (с. 114–115). То и дело Василий Иванович вспоминает свою «военную бивуачную жизнь» и «перевязочные пункты» (124). Мало того, читатель узнает, что Василий Иванович служил под началом Петра Кирсанова, а значит, все в той же ермолковской южной армии. Отставной штаб-лекарь признается Аркадию: «Я у вашего дедушки в бригаде служил». И во время этой службы он «много» «на своем веку видал видов». Отец Базарова гордится тем, что у самих «князя Витгенштейна и у Жуковского пульс щупал!» (с. 110). Знакомство с этими двумя фигурами для него, разночинца, почетно в одинаковой степени. Но для автора в данном случае важнее, конечно, образ поэта В. А. Жуковского, как известно, вступившего в ополчение в 1812 г. и ставшего автором написанного в лагере под Тарутином «Певца во стане русских воинов». Благодаря образу Жуковского в сознании многих читателей всплывали фигуры не только М. И. Кутузова, но и многих других героев Отечественной войны, восхваляемых в «Певце...», в том числе и Ермолова:

Хвала сподвижникам — вождям;
Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх твои перуны.

Не меньшее значение отец Базарова придает и тому, что он «тех-то, в южной-то армии, по четырнадцатому, вы понимаете (и тут Василий Иванович значительно сжал губы), всех знал наперечет» (с. 110). Речь идет о декабристах, многие из которых служили в разное время на Кавказе под начальством генерала Ермолова, сочувствовавшего их взглядам. О службе штаб-лекаря

в южной армии говорит и воспоминание о «любопытном эпизоде чумы в Бессарабии», за который он «получил Владимира» (с. 124).

В доме Базаровых примечательны не только развешанные на стенах кабинета «военные ружья, нагайки, сабля, две ландкарты» и «диплом под стеклом», но и два портрета — Христофа Гуфеланда и А. В. Суворова. Внимание Василия Ивановича Базарова к личности выдающегося врача Гуфеланда, вероятно, связано с тем, что последний отличался прогрессивными взглядами, благородством и редкой добротой в обращении с больными. Портрет А. В. Суворова находится в гостиной, очевидно, еще со времен деда Евгения по линии матери, построившего этот дом. Дед был, как небрежно замечает внук, «секунд-майор какой-то»: «При Суворове служил и все рассказывал о переходе через Альпы» (с. 118).

Акцент автора на личностях двух прославленных военачальников, которые представляют разные эпохи славных российских побед, подчеркивает, на наш взгляд, еще один уровень осмысления проблемы «отцов и детей». Молодым офицером Ермолов начинает служить именно под командованием Суворова и, очевидно, усваивает не только уроки военного искусства великого русского полководца, но и равняется на личностные качества Суворова-гражданина, сторонника просвещенной монархии, выступавшего против насаждения Павлом I в армии прусских палочных порядков. Генерал Ермолов, подобно своему великому учителю, всегда находился в оппозиции к государственной власти и соответственно в опале, но также всегда был призван той же властью в трудную минуту на защиту отечества, также был любим солдатами и офицерами. Еще в 1798 г. подполковник Ермолов проходил по делу смоленского офицерского кружка, известного как «кружок Каховского — Ермолова», и подвергался арестам и ссылке по подозрению в участии в заговоре против императора Павла I. Впоследствии императору Александру I неоднократно доносили о «пагубном духе вольномыслия и либерализма» в войсках корпуса Ермолова. Фигура опального генерала в романе становится воплощением целого поколения передового офицерства.

Так, постепенно в романе воссоздается атмосфера героического прошлого, когда все русское общество было объединено участием в великом общенациональном деле, когда вопросы бытийного звучания стирали сословные границы и идеологические разногласия. В этом историческом событии Тургеневым объединяются военные и гражданское население, великие полководцы и поэты, плечом к плечу переносят тяготы «бивуачной» жизни представители семейств Кирсановых и Базаровых.

Ко времени действия романа эти связи оказались давно утрачены: имения Кирсановых и Базаровых находятся не очень далеко друг от друга, но фамилия приятеля Аркадия связывается Павлом Петровичем лишь с прошлым отца: «...помнится, в батюшкиной дивизии был лекарь Базаров...» (с. 24). Если Василий Иванович сохраняет память о героическом прошлом России, то братья Кирсановы, молодость которых принадлежит времени 30–40-х гг., уже несколько отдалены от него. Поэтому портрет опального генерала висит лишь в фенечкиной комнатке, а стиль ампир, угадывающийся в интерьере дома Кирсановых (как и Одинцовой), скорее дань моде.

В романе представители поколения «отцов» зачастую называются «стариками». Действительно, в мае 1859 г. мы видим Николая Петровича «уже совсем седого, пухленького и немного сторбленного» (с. 10). А ведь ему всего сорок четыре года! Павел Петрович, чуть старше своего брата, но тоже уже много лет назад «состарился и поседел» (с. 32). В чем причина такой преждевременной старости героев? Ответ кроется в рассыпанных по всему роману деталях и подробностях. Мы знаем, что Николай Петрович после смерти жены, «продолжительного бездействия занялся хозяйственными преобразованиями» (с. 10). Но «ферма», по его собственному признанию, разваливается. Мы знаем, что Павел Петрович в молодости был видным офицером: «славился смелостию и ловкостию», его «носили на руках», женщины «от него с ума сходили», мужчины «втайне завидовали ему», «блестящая карьера ожидала его» (с. 30). Причина внезапного ухода Павла Кирсанова в отставку, «несмотря на просьбы приятелей, на увещания начальников», как

и «бесплодно, бесцветно и быстро, страшно быстро» пробежавших последующих лет (с. 32), как правило, виделась литературоведам лишь в трагической истории любви героя. На наш взгляд, апатия и тоска Павла Петровича объясняется и другим. Ведь он совсем не жалеет, что не сделал карьеры. Автор мимоходом замечает, что уже в молодости Павел был «насмешлив и как-то забавно желчен» (с. 30). Показательна и реакция героя на карьерный рост его родственника-ровесника Калязина: «И велика важность, тайный советник! Если б я продолжал служить, тянуть эту глупую ляжку, я бы теперь был генерал-адъютантом» (с. 46). Очевидно, отказ «светского льва» от карьеры объясняется не только любовной драмой, но и его разочарованием в офицерской службе николаевского времени.

«Отцы» в романе, так или иначе, оказываются на периферии жизни, поэтому все чаще в их адрес звучит определение «отставные». Николай, сидя в ампирном кабинете Павла, грустно иронизирует: «...мы с тобой в отставные люди попали... песенка наша спета» (с. 45). После известного «боя» «за вечерним чаем», отправляясь в сад, Николай не просто переживает семейную драму («свое разъединение с сыном»), но и пытается ответить на вопрос, кто же все-таки прав в историческом споре: «...они дальше от истины, нежели мы, а в то же время я чувствую, что за ними есть что-то, чего мы не имеем, какое-то преимущество над нами... Молодость? Нет: не одна только молодость» (с. 54).

Базаров дает точную оценку состояния человека предреформенной эпохи: «...кажется чего лучше? Ешь, пей и знай, что поступаешь самым правильным, самым разумным манером. Ан нет; тоска одолеет» (с. 119). Тоска охватывает почти всех героев. В отличие от других представителей своего времени, Базаров чувствует не просто «тоску», а «скуку да злость». Как известно, Базаров активно подчеркивает отличие своего радикального демократического сознания от «либеральных баричей». Но ведь он только наполовину разночинец, а по линии матери — дворянин. Поэтому читатель не может не заметить и образованность Базарова, далеко выходящую за рамки его естественно-научных интересов,

и романтизм, который безуспешно пытается подавить в себе нигилист. Противоречия Базарова имеют глубокие генетические корни: он несет в себе самую кризисную предреформенную эпоху, в которой столкнулись разные культурные и идеологические системы. Базаров становится живым воплощением драматической неслиянности различных социально-исторических тенденций, начал, ни от одного из них герой не может отказаться, т. к. живут они не только в голове, а в самой его натуре, в плоти и крови.

В романе Тургенева апатия одних героев и устремленность к активному деянию других имеет под собой общую почву. Это представление о долге. Понятие долга лежит в основе всех поступков «отцов». Но ведь и стремление Евгения к радикальным изменениям мироустройства также продиктовано не личными целями, а чувством долга. А это значит, что старшее поколение, несмотря на все разногласия, смогло передать «детям» главное. Понимание долга перед обществом, народом усиливает трагедию «отцов» и углубляет противоречия «детей».

Сверхтекстовые отсылки к событиям Отечественной войны 1812 г. и последующих десятилетий создают в тургеневском романе незримый ареол героической эпохи, в свете идеалов которой оценивается конфликтность другого значимого периода русской истории — кризисного предреформенного времени.